

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

УСЛОВНО ОСУЖДЁННЫЙ АНТРОПОЛОГ

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИЗ ВГУ – ОДИН ИЗ ТЕХ,
С КЕМ ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В ВОРОНЕЖЕ ОБЩАЛСЯ БЕЗ ОПАСКИ

Начиная с мая 1935 года в круг воронежского общения О.Э. Мандельштама вклинился Яков Яковлевич Рогинский (1895–1986), добрый знакомый Евгения Яковлевича Хазина (Е.Я. Хазин (1893–1974) – писатель, очеркист, историк литературы. Брат Надежды Мандельштам (в девичестве Хазинной), жены Осипа Мандельштама). В молодости Рогинский увлекался поэзией, в 1919–1920-е годы посещал заседания московского поэтического кружка «Зеленая мастерская», но судьба его принадлежала науке. Выпускник физико-математического факультета МГУ (1925), он поступил в аспирантуру Института антропологии 1-го МГУ, часто ездил в экспедиции.

Разновидность приговора, которая привела Рогинского в Воронеж, была довольно экзотической: «условное осуждение»! Арестовали его 19 января 1934 года, а его подельника – Алексея Алексеевича Захарова, научного библиотекаря Антропологического музея, – 25 января. «Шили» им ни много ни мало создание и руководство контрреволюционной фашистской группировкой научных работников Антропологического института, проводящей вредительские теории в области антропологии.

В следственном деле Рогинского можно прочесть, что, «являясь сторонником фашистской диктатуры», он высказывался в духе «необходимости

Яков Яковлевич Рогинский

фашизации всех капиталистических стран, а также установления фашистского (в другом месте: буржуазно-демократического) строя в СССР» и видел «интеллигенцию в роли ведущей силы страны» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49511).

Казалось бы, «классика»: погром в очередной науке! Но всего удивительнее приговор: выслать обоих через представителя ОГПУ в Северный край сроком на два года, приговор при этом считать условным и обоих из-под стражи освободить. Рогинского после этого отправили в бессрочную командировку в Воронеж – читать антропологию на биологическом факультете местного университета (см.: *Рогинский Я.Я.* Встречи в Вороне-

же / публ. С.М. Марголиной // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 42–45). Судя по всему, Рогинский в Воронеже жил у родственников (предположительно у инженера В.А. Рогинского, в непосредственном соседстве с домом которого близ Бринкманского сада находилось первое воронежское жильё Мандельштамов). Со временем он станет профессором и заведующим кафедрой антропологии биолого-почвенного факультета МГУ, одним из крупнейших советских антропологов и теоретиком антропогенеза.

В Воронеже Яша Рогинский мгновенно вошел в небольшой круг своих для Мандельштама людей. Он оставил небольшие воспоминания о воронеж-

Главный корпус ВГУ.
1930-е годы

ских днях поэта. В них Рогинский, в частности, писал о том, что Осип Эмильевич взял на себя миссию городского «концертного сумасшедшего»: однажды, когда зал уже расселся и успокоился, но концерт ещё не начался, он встал и – широко отводя и сводя не гнущиеся руки, как бы на манер Буратино, заплотировал (мол, «просим! просим!...»).

Рудаков (Рудаков Сергей Борисович (1909–1944) – советский поэт и литературовед, близкий знакомый О. Мандельштама в воронежской ссылке, оставивший в своём архиве уникальные записи некоторых стихов поэта, комментарии к ним и биографические свидетельства) писал жене, что взятые у Рогинского два тома собрания произведений Хлебникова породили разговоры с Мандельштамом о его собственном собрании сочинений или как минимум о новой книге стихов. А заодно и рассказы поэта о своих стихах последнего пятилетия.

В свете того, что сама Надежда Яковлевна (Мандельштам (Хазина) Надежда Яковлевна (1899–1980) – русская писательница, мемуарист. Лингвист, преподаватель, жена О. Мандельштама) уехала 8 мая 1935 года (т.е. задолго до приезда Рогинского), зря она пишет во «Второй книге»: «В конце мая в Воронеж приехал наш приятель, антрополог Рогинский. <...> Я использовала приезд Рогинского, чтобы съездить в Москву. С ним, я знала, Мандельштам не будет чувствовать себя одиноко. Одного Рудакова для этого было недостаточно. Мальчишка – на него положиться я не могла».

Много позже – предположительно в 1967 году – Надежда Яковлевна Мандельштам обратилась к Якову Рогинскому со следующим письмом:

«Дорогой Яша!

У меня к вам огромная просьба. Мне нужно датировать одно стихотворение, и в этом помочь можете мне вы. Помните, вы были в Воронеже в 1935 году? Я тогда была в Москве. Вы, кажется, приехали читать заочникам. При вас было написано стихотворение: «Возможна ли женщине мертвой хвала». Приехав в Москву, вы мне об этом сказали.

Теперь сохранилось два листка с этим стихотворением; на одном дата 3/IV/35, на другом 3/VI/35. Как будто никакого значения: два месяца. А если принять первую дату, стихотворение выпадет из «текста». Дело в том, что и в лирике (особенно у таких поэтов, как Мандельштам) стихи не механически следуют одно за другим, а в их развитии есть логика и внутренний смысл. «Книга» это не механическое соединение стихов, а нечто целое, с особым взаимосцеплением частей.

В июне это стихотворение занимает свое правильное место, в апреле нарушает порядок.

Итак, моя просьба – напишите мне письмо (Москва М-447, Б. Черемушкинская № 50, корп. 1, кв. 84) о том, когда вы могли быть в Воронеже (очевидно, с середины мая до начала июня) и что эти стихи были написаны при вас. Это подтвердит мои доказательства, что первая дата случайная ошибка: не туда поставил палочку римской цифры...

Эти стихи, кстати, были написаны во время работы над повестушкой «Юность Гете» и связаны с ней (и Гете мавшее лоно)... Смешна вам такая дотошность? Не смейтесь...Целую вас. Надя.»

Возможно, что небольшой мемуар Я. Рогинского, впервые обнародованный С. Марголиной, и являлся откликом на просьбу вдовы поэта.